

ГАЛИНА ВРУБЛЕВСКАЯ

ИГРЫ ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ

РОМАНЫ О ВРЕМЕНИ И ЛЮБВИ

Романы и сборники малой прозы

Галина Врублевская

Игры взрослых людей

«Автор»

2007

Врублевская Г. В.

Игры взрослых людей / Г. В. Врублевская — «Автор»,
2007 — (Романы и сборники малой прозы)

ISBN 5-9524-2295-0

Скромнице Валюше опротивели серые будни, и она, купив немислимую шляпку, преобразилась в загадочную девушку Леру – покорительницу мужских сердец. Перед девушкой встал трудный выбор – малообеспеченный, но надежный Костик или обладатель шикарных апартаментов в историческом центре Петербурга, «безбашенный» Тео. Какой же путь выбрать? И Лера выбирает любовь...

ISBN 5-9524-2295-0

© Врублевская Г. В., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Галина Врублевская

Игры взрослых людей

Часть первая

Лера и Валя

1

Выскочив на улицу, Лера закружилась от счастья: сдан последний экзамен, досрочно, на пять! Сессия позади! Воздух свободы пьянил, чувства рвались наружу, требовали какого-то действия. Пойти кутить? Пирожное, шампанское? Нет, все не то. Устроить праздник самой себе – задача не из легких, а разделить радость Лере было не с кем: сокурсницы еще корпят над конспектами. Но вокруг шумел многолюдный Питер, а летний день был так хорош!

На уличном лотке пестрела всякая всячина – косынки, купальники, панамки, кепочки, козырьки... Продавщица заученно расхваливала товар, но Лера ее не слышала. Взгляд девушки приковала соломенная шляпа с огромными полями, сестрица июньского солнца. Лера ни разу в жизни не надевала шляпу, но сейчас ей захотелось примерить экзотическую вещицу. Продавщица с готовностью протянула невесомое солнышко и зеркальце. Лицо, словно обведенное нимбом широких полей, едва помещалось в маленьком кружке, зато как заиграли зеленые искорки в светло-карих глазах, как четко обрисовались пухлые губы! Лера достала деньги.

– Примерьте еще легкую кружевную шаль! – вкрадчиво предложила продавщица. – С этой шляпой – последний писк моды.

Покупать шаль Лера не собиралась, но, загипнотизированная сладким пением торговки, взяла и ее.

По случаю экзамена Лера выглядела скромно – черная короткая юбка, джинсовая куртка, мокасины. Шляпа и кружевная шаль с кистями мало подходили к спортивной одежде и затертому пакету с конспектами, однако Лера не видела себя целиком. Светская дама, отразившаяся в маленьком зеркальце, затмила разум студентки! Игра началась. Лера гордо вскинула голову, расправила плечи... Куда теперь? Конечно на Невский проспект.

Юные модницы фланировали по широкому тротуару, открывая питерскому ветерку и длинные ноги, и узкие полоски тела между юбчонкой и топиком, и легкомысленные прически. Лера отличалась от них, как цветная картинка от карандашных набросков. И нелепо одетая девушка невольно притягивала взгляды прохожих. Когда она остановилась на оживленном углу Невского и Садовой, раздумывая, куда идти дальше, ее окликнули:

– Hallo! – Лохматый парень в белых брюках и синей футболке смотрел на нее, вопросительно улыбаясь.

Лера тотчас сорвалась с места – она не была готова к общению. Парень двинул за ней. На ломаном русском языке, пополам с немецким, он попытался завести беседу:

– Гейен зи мит, девочка? Пойти с я?

Лера озадаченно посмотрела на преследователя, улыбка сползла с лица: «За кого он меня принимает?» Иностранец понял молчание по-своему:

– О'кей! Ходить к тебе, гут!

– Нет, нет, оставьте меня! – Лера инстинктивно прикрыла грудь шалью, будто улитка, захлопывающая створки раковины.

Ее испуг позабавил иностранца. Он достал из заднего кармана брюк бумажник и сделал вид, будто раскрывает его. Лера остолбенела. Такой прекрасный день, такой чудесный проспект, и как все померкло в секунду! Прохожие, отделив себя от мира черными очками, равнодушно обтекали пару. Никто и не думал защищать девушку от приставаний незнакомца. Лера бросилась в подземный переход. Пока пробиралась сквозь плотный поток пешеходов, шляпа сдвинулась набекрень, шаль сползла с плеча. Лера выскочила наверх на другой стороне Невского и оказалась прямо под сводами Гостиного Двора. Только здесь оглянулась. Никто за ней не гнался.

Лера слегка успокоилась, но еще недавно бушевавшая в ней радость поутихла. Она медленно брела вдоль галереи первого этажа, вглядываясь в сказочно оформленные витрины. Какое изобилие, но какие цены! О боже! Лера даже остановилась перед витриной с головными уборами. Соломенная шляпа, почти такая, как на ней. Правда, стоит гораздо больше, но как похожа! Лера вгляделась в манекен. Светская дама в легком шелковом платье, изящных парчовых туфельках и с модной глянцевой сумкой, казалось, залетела сюда с далекого заморского курорта. Надменный взгляд манекена смутил Леру. Она посмотрела на свое отражение в витринном стекле. Вот посмешище! Зачем купила эти вещи? Затмение прошло. Лера растерянно оглянулась: не показывают ли на нее пальцем? Сняла шляпу и шаль, засунула их в пакет.

Взять хотя бы того иностранца. Неудивительно, что он к ней пристал, – такой видок кого угодно собьет с толку. Лера опять взглянула на манекен. Да, к такой даме ни один мужчина не подступился бы с гнусным предложением. Как непросто создать гармонию в одежде! Лера еще раз обошла все линии универмага, внимательно разглядывая витрины. Наконец устала – как-никак отмерила ногами двухкилометровый четырехугольник! Сейчас бы перекусить, да денег на кафе не осталось. Лера купила мороженое на уличном лотке – теперь хватит сил добраться до дому.

Жители Гатчины фантазиями не увлекались. Даже девушки сначала думали о работе – в пригороде Санкт-Петербурга хороших мест днем с огнем не найдешь! – а потом уже о личной жизни. Валя тоже не страдала отсутствием прагматичности – обстоятельства вынуждали. Родилась девушка здесь, но росла в других городах и весях. Отец ее, военный строитель, служил в разных краях страны, и мама с маленькой Валечкой кочевали вместе с ним. Карьера отца стопорилась из-за несговорчивого характера и оборвалась наконец в затерянном в лесах секретном объекте под Рязанью. Отец погиб на строительстве очередного сооружения. В официальном акте было указано, что выявлено грубое нарушение техники безопасности, а в гарнизоне говорили проще – капитана сгубила водка. Валя с мамой получили маленькую пенсию, на которую и прозябали. Валя в тот год закончила школу, но найти работу в военном городке было сложно. Выбраться в большой мир еще сложнее.

Ее одноклассники отправились штурмовать столичные вузы. Валя тоже попыталась поступить в главный университет страны, подала документы на журналистику, но до экзаменов ее не допустили – нет ни творческих работ, ни публикаций. Перекинулась на филфак, а там конкурс до небес – недобрала баллов. После провала Валя вернулась в гарнизон и всю зиму готовилась к экзаменам. Читала необходимую литературу, мучилась с английскими неправильными глаголами. С иностранным языком Вале не повезло особенно: в разных школах преподавали разные языки, а кое-где предмет вообще выпадал из программы за неимением учителя.

Накануне экзаменов Валя подхватила непонятную хворь, температура подскочила под сорок, потом еще какие-то болячки прицепились... так лето и прошло. Врач разводил руками: заболевание на нервной почве! Еще один год пропал.

На третий год Валя устремилась в Петербург. Местом, куда девушка смогла прилепиться, оказался факультет русского языка и литературы в Педагогическом университете, заочное отделение. Теперь Валя дважды в год ездила сюда сдавать сессии. Каждый раз останавливалась у мамыной сестры, Нины Петровны. Тетя Нина жила в часе езды от мегаполиса, в старин-

ном городке Гатчине. Место это поражало контрастами. Прославилось оно благодаря музею-заповеднику: бывшему летнему дворцу русского императора, больше напоминающему замок, и великолепному парку. В то же время это был заштатный пыльный городишко, каких в России тысячи. Однако имелись здесь и современные улицы, и многоэтажные здания, и промышленные предприятия.

Как раз в урбанистической части городка и жила Нина Петровна. В один прекрасный день она предложила племяннице остаться насовсем. Причиной великодушия стала обыкновенная депрессия. Нину Петровну отправили на досрочную пенсию, она сразу почувствовала себя всеми покинутой, ненужной и даже начала прихварывать. А когда в соседнем подъезде умерла одинокая пенсионерка и месяц пролежала запертая в квартире, перепуганная Нина Петровна просто умоляла племянницу перебраться к ней. Долго уговаривать не пришлось. Валя уже поняла, что в школе работать не сможет: не тот характер, да и нынешние детки поражали ее непослушанием и наглостью. А другая карьера в военном городке немыслима. В библиотеке прочно сидели заслуженные полковые дамы. Замуж тоже никто не звал.

Мама благословила Валю на переезд, хотя и грустно ей было оставаться в одиночестве. Она бы и сама с удовольствием перебралась в Гатчину, к сестре поближе, но продать казенную квартиру не имела права. Оказаться на старости лет в однокомнатной квартирке сестры на птичьих правах сама не желала. Валя же охотно согласилась на «угол» – раскладушку посреди комнаты. А главное, тетка устроила племянницу инспектором в собес: а это приличная зарплата, полный социальный пакет – отпуск, медицинская страховка, возможность продолжать учебу.

Валя, без пяти минут дипломированный специалист, начальству понравилась: скромная, аккуратная, на компьютере работать умеет. Валю определили на первичный прием: принимать документы у пенсионеров и вести компьютерный учет.

Валя трудилась в собесе третий месяц. В новый коллектив она входила так же, как прежде в новые школы. Одевалась просто, в безликие свитерки и невременные блузки, иногда даже с теткиного плеча. Джинсы носила обычные, за модными брендами не гонялась. Русые волосы стягивала в простой хвост. И пряталась за невидимый панцирь, пристально наблюдая за окружением. Она замечала добрых людей, выделяла скандалистов, активистов, прилипал, но сама не примыкала ни к кому. И подруг у нее в Гатчине пока не завелось. Ее сдержанность окружающие ошибочно принимали за робость, даже забитость. Но Валя помнила, как очень давно, еще в начальных классах, пыталась проявить себя: что-то предлагала, против кого-то восставала, с кем-то заигрывала. Но новые одноклассники быстро поставили выскочку на место, и детским неокрепшим умом она поняла: лучше не высовываться. Чтобы к твоему мнению прислушались, нужен авторитет. А он завоевывается долго и упорно. Но этого «долго» во всей ее школьной биографии ни разу не случилось. А в собесе ее и не успели еще узнать хорошенько.

Валя тихо работала, не пытаясь вмешаться во внутреннюю жизнь коллектива. Выслушивала стариков, уточняя их стаж, заработок и места работы. А многие из них, туговатые на ухо, путались, отвлекались, злились и кричали на молоденькую инспекторшу. Валя переживала, но сдерживалась: в ответ не грубила и терпеливо разъясняла непонятное. И вздыхала с облегчением, когда часы приема посетителей заканчивались. Оставалась еще внутренняя работа отдела: анализ поданных сведений, проверка компьютерных баз, составление статистических сводок. Эти дела хотя и были скучны, но не требовали большого напряжения.

Отношения с теткой у Вали тоже не складывались. Ее ласковое обхождение постепенно сошло на нет – совместный быт, как это часто бывает, породил конфликты. Тетка оказалась крайне придирчивой ко всему, что касалось чистоты. Приказывала драить пол, невзирая на то что у племянницы экзамены на носу. Заставляла класть каждую вещь строго на отведенное ею, хозяйкой, место. Нина Петровна требовала соблюдать раз и навсегда установленный ею поряд-

док, ведь это ее дом. Вале она не отвела даже уголка, только полочку в шкафу для учебников и конспектов.

Эта сессия была для Вали последней. Оставалось пройти преддипломную практику и написать выпускную работу. Защита диплома предстояла в январе. Но сейчас, после экзаменов, можно расслабиться. Валя чувствовала опустошенность – вот и подходит к концу учебный марафон. Наступившая свобода тяготила. Работа – дом, дом – работа. Бесконечно долгие вечера и бесцельный отдых в выходные дни. Тетка пыталась вытолкать племянницу на дискотеку, но та твердила, что в свои двадцать три года стара для подростковых развлечений. Предпочла смотреть с теткой телевизор, попутно занимаясь мелким рукоделием: шила косметички из подручного материала, подгоняла найденную в секонд-хенде одежку, подрубала новые занавески. В глубине души Нина Петровна радовалась, что племянница оказалась домашней мышкой, однако беспокоилась о ее будущем. Уж слишком замкнута девочка, как она с таким характером найдет себе пару? Тетка заводила разговоры о соседских парнях, но Валя отмалчивалась. Душу свою тетке не раскрывала.

Поделиться горестями и мечтами Валя могла лишь с одним человеком, с подружкой по институту Анжеликой. Но встречались они лишь дважды в год. Анжелика приезжала в Питер из Карелии, города Сортавала. Однако в зимнюю сессию Анжелика почему-то не появилась на занятиях. Валя написала ей, но ответа не получила. Второе письмо отправила весной, когда переехала в Гатчину. Ведь теперь они оказались, по масштабам России, почти соседками: обе жили в Северо-Западном регионе. Анжелика откликнулась.

Письмо расстроило Валу. Выяснилось, что Анжелика вышла замуж, и муж, шофер-дальнобойщик, запретил ей учиться. Надежд на скорую встречу не было. Зато это стимулировало Анжелику к переписке – прежде такой склонности за Валиной подругой не водилось. В замужестве Анжелике крупно не повезло: благоверный оказался самодуром и деспотом, а свекровь – форменной садисткой. Так что письма стали для Анжелики той соломинкой, через которую она могла дышать в мутном омуте семейной жизни. У Вали были свои трудности – новый коллектив, зависимость от тетки. Возможность излить душу в письмах стала для девушек большой удачей.

Анжелика могла бросить учебу без ущерба для работы – до университета она закончила педучилище и уже несколько лет преподавала в начальных классах. И сейчас лучшие часы ее жизни проходили в школе. Она брала дополнительные нагрузки лишь для того, чтобы меньше бывать дома. Муж, часто уезжающий в дальние рейсы, не возражал, в школе активность учительницы приветствовали. С некоторых пор Анжелике поручили вести делопроизводство – в малоформатной школе лишних ставок не полагалось. Осваивая машинопись, Анжелика и письма свои отстукивала на машинке, тем более что дома колючий взгляд свекрови доставал ее в любом уголке. Из-за свекрови она попросила писать ей до востребования.

Валя достала из секретера последнее письмо подруги. Анжелика уже научилась и адрес на конверте впечатывать ровно. Эта безукоризненность вызывала легкое сожаление у Вали. Ей казалось, что в почерке, даже корявом, больше человека, его характера, переживаний, наконец... Но Анжелика полагала иначе.

«Дорогой Валюнчик, оцени мое искусство – мне теперь даже надбавку платят за делопроизводство. И тебе приятнее читать, да? Я так рада, что ты перебралась поближе к Питеру. Наверное, уже облазила все выставки и музеи? А у нас тут глушь, кино и то с трудом отыщешь. Скука беспросветная. Мой дальнобойщик опять укатил в Швецию. С ужасом жду его возвращения. Пока свекровь грызет, а там с ее подачи и сам начнет руку прикладывать. Но сейчас у меня небольшая передышка, после проверки тетрадей остается еще чуток времени. И знаешь, на что я его трачу? Пристрастилась к любовным романам. Откопала писательницу Ирину Артюшову, может, слышала? Там такая красивая любовь выведена! Читаешь и забываешь все на свете...»

Валя мысленно посочувствовала подруге. Как ее угораздило так неудачно выйти замуж? Вот и остается искать счастья в книгах. У Вали тоже нет любимого человека, но она мечтает встретить его в жизни, а не в романах. Однако тоже прочла две книжечки этой авторши. Так, ничего особенного, но реклама шумная. Валя взяла чистый лист бумаги и вывела шариковой ручкой круглые буквы: *«Здравствуй, дорогая Анжелика!»*

Девушка грызла красный кончик ручки, раздумывая, с чего начать. Сказать хотелось многое, но мысли отвлекли от письма. Она вспомнила, что собиралась сшить себе обновку – лето в полном разгаре, а ей надеть нечего. Валя засунула начатое письмо в какой-то конспект, достала из шкафа купленный на днях пестрый поплин и принялась за дело.

2

В это воскресенье Лера решила заглянуть в Эрмитаж, где открылась выставка картин из запасников музея. Сняла с крючка купленную две недели назад шляпу, покрутилась перед зеркалом. Все-таки хороша! Вот сегодня – полная гармония. Фигуру стройнили узкая длинная юбка с оранжевыми и синими зигзагами, трикотажная маечка в тон апельсина, белые босоножки на высоких каблуках. Поколебавшись, Лера накинула на плечи белую кружевную шаль. И вновь ощущение легкости и счастья, испытанное после сдачи последнего экзамена, вернулось к ней. Правда, показаться в таком виде на люди Лера не решилась. Поколебавшись, она спрятала экстравагантные аксессуары в лаковую красную сумку. Да, выйти из дому в таком наряде неловко, зато в бывших царских хоромах они будут смотреться на ней в самый раз. Не пропадать же шляпе!

В музее, как всегда, было много иностранцев, но встречались и местные завсегдатаи – безлико одетые, не очень опрятные мужчины, аккуратные пожилые дамы, девушки-художницы, привлекающие внимание бесформенными хламидами и холщовыми торбами за спиной. Некоторые делали карандашные наброски в блокнотах. Лера на первый взгляд могла показаться одной из них, но подчеркнутая элегантность ставила ее на особое место. Она красиво застыла перед картиной, в длинной юбке, шляпе, кружевной шали и в босоножках с узкими ремешками. Без сумки, сданной в камеру хранения, Лере было неудобно – расческу, платок и прочие мелочи пришлось сложить в косметичку и таскать ее, держа за уголок. Для Леры почти непосильным трудом оказалось чувствовать себя нарядной!

– Привет, бедная Лиза! – окликнули ее.

Лера узнала лохматого молодого немца, что приставал к ней на Невском проспекте. На сей раз он говорил на чистейшем русском. Но сейчас и Лера была другой. Уже не хмельная от сданного экзамена пташка, порхающая между небом и землей, а современная девушка в романтическом наряде, посетительница Эрмитажа.

– Я не Лиза, а Лера. А твое имя – Фриц? – лукаво поинтересовалась Лера.

– Почему – Фриц? – Лицо у парня вытянулось. – А! Забей на ту встречу. Меня зовут Тео.

– Тео? Странное имечко...

– Это ник. Перевод родного прозвища: Федор – Теодор – Тео. Знаешь, ты чертовски мила в этой шляпке. погоди, сейчас угадаю, чем ты занимаешься. Артистка?

– Нет, почему? Я... я – тележурналистка, – выпалила Лера.

– Ништяк! А я – Великий Магистр!

– Учишься на магистра?

– Потом растолкую. А здесь клево! Я уже все обежал, на один зал выставка. А ты давно тут?

– Я тоже все осмотрела.

– Ну тогда пошли к малым голландцам, давно туда не наведывался. Ты как к ним относишься?

Лера отделалась неопределенным междометием, не решаясь признаться, что и больших-то художников не очень различает.

Тео уверенно провел девушку галереями, и они оказались в просторном зале с приглушенным освещением. Картины покрывала патина времени. Лера силилась понять их красоту, но однообразные изображения средневековых торговцев и знатных господ не вызвали отклика в ее сердце. Скуотища!

К счастью, вскоре молодой человек перекинулся на обсуждение бродящих по залу девушек, сказав, что понимает их, ценящих удобство: джинсы и кроссовки – одежда универсальная, но бесполовая.

– Сейчас кругом унисекс, не поймешь, мэн или герла. Но ты – приятное исключение, только башни на голове не хватает, чтобы классифицировать тебя в эпоху золотого века. Хотя шляпа – неплохая замена!

Лера порозовела от смущения. Странный парень, как его понять? Современный молодой человек, а осуждает джинсы. Да еще зачем-то классифицировал ее. Однако все загадочное притягивает девушек. Лера слушала раскрыв рот, пока Тео не начал выпытывать подробности ее жизни:

– Это замечательно, что ты третьей власти служишь. Открой секрет, ты как на ТВ попала? Папашка подтолкнул?

К этому вопросу Лера оказалась не готова и, изобразив обиду, пошла в наступление:

– Ты бы еще спросил, в каких кустах меня мама с папой отыскивали!

– Ладно, проехали. Тогда скажи, как передача называется. По какому каналу тебя лицезреть? Ты ведь на экранчике мелькаешь?

– Не царское это дело! Я...

– Понятно, кромсаешь тексты. Ну, если на экране тебя увидеть нельзя, то, может, встретимся еще разок вживую? Чиркни мне свой телефончик?

– У меня нет.

– Ну, ты даешь! А рабочий, а мобильный, в конце концов?

Лера порядком растерялась. Рабочий номер она не могла использовать, а на мобильном до сих пор сэкономила. Ей оставалось сказать одно:

– Я позвоню тебе сама. Я очень занята, а мобильник не держу принципиально. С ним чувствуешь себя как на привязи. Каждый может тебя достать в любой момент.

– Понимаю тебя, Лера. Я тоже долго сопротивлялся этой игрушке. Хорошо, звони сама. Держи визитку.

Лера взяла маленькую черную карточку. На ней блестели золотые, стилизованные под готику буквы: «Тео, Великий Магистр». Далее следовали телефоны и адрес электронной почты.

Девушка хмыкнула и спрятала визитку в сумку.

Тео задела ее усмешка.

– Я не могу посвятить тебя в свою тайну, еще не время!

– Ради бога! Я не настаиваю, – смиренно протянула Лера. Ее больше беспокоило, как сохранить свои секреты.

Начал накрапывать дождь. Лера и Тео прошли по намокшей брусчатке Дворцовой площади, потом по новеньким плиточкам проходных дворов Капеллы. У врат музыкального храма разговор переметнулся на соответствующую тему. Обсуждали не только современные группы, но также исполнителей классической музыки. Говорил в основном Тео, но и Лера обнаружила немалую осведомленность. У метро новые знакомые расстались. Тео обмолвился, что живет рядом, на Большой Морской, и Лера поспешно вставила, что провожать ее дальше не надо. Тео заметил испуг в глазах девушки, когда попытался зайти вместе с ней в метро. Он отступил.

Через две остановки, сделав одну пересадку, Лера вышла на поверхность перед зданием Балтийского вокзала. У касс, где толклись толстые тетki с тележками и дачники-садоводы в грязных робах, она сняла шляпку и шаль. Для модных аксессуаров нужны пространство и красивые декорации! Лера встряхнула длинными светлыми волосами и направилась в сторону железнодорожного буфета – до электрички еще оставалось порядком времени. Возможно, это и вредно для фигуры, но Лера не упускала случая лишний раз перекусить. Жаль, что Тео не пригласил в кафе!

Тео летел домой, не замечая никого, как планер в воздушном потоке. Вот это девушка! Ух, друзья удивятся, когда он представит им Леру – звезда телеэкрана! Ну, пусть не звезда, сотрудница, тоже любопытно. Порасскажет, что и как там у них, в Зазеркалье... Сегодня она была не слишком разговорчива, а он так разболтался, что не давал ей слова вставить. Ничего, в следующий раз он будет сдержаннее, а она, возможно, приоткроет ему дверь на телестудию. Тео мечтал работать на телевидении, вести еженедельную передачу. Историк-аспирант, он мог бы преподавать в школе, но впрягаться в ярмо напряженной работы...

Была причина, по которой он выпадал из действительности на дни и недели. Нет, ни алкоголь, ни наркотики не влекли Тео – у него имелаcь другая страсть. Тео был заядлый ролевик, Мастер. Пару раз в году вместе с командой выезжал на несколько дней в поле на «игрушки». Там, по ими же написанному сценарию, ребята разыгрывали исторические баталии. Не просто играли, жили с наибольшей полнотой в эти дни. Однако помимо этой, интересной, части его жизни, существовала еще и скучная проза – необходимость зарабатывать деньги. В двадцать шесть у родителей на пиво просить стыдно! И Тео перебивался случайными заработками: писал статьи в газеты, составлял рекламные слоганы, подрабатывал репетиторством. Он неплохо знал немецкий язык, так как еще до университета закончил школу с языковым уклоном. Да и в крови Тео текла немецкая кровь – дед его был стопроцентным немцем. Жил Тео в исторической части Санкт-Петербурга, один в двухкомнатной квартире. Ранее в ней обитала его бабушка. Ныне она одряхлела, и родители взяли ее к себе. Тео сумел уговорить отца с матерью и был выпущен на волю, в освободившуюся квартиру. Немногие молодые мужчины в наше время могут похвастать шикарной жилплощадью – две просторные комнаты с высоченными потолками, со старинной лепниной, с полукруглыми арками вытянутых вверх окон... На Большой Морской что ни дом, то дворец! И в таком вот дворце обитал Великий Магистр Тео – под этим именем его знали в клубе ролевиков. Но в университетском списке аспирантов Тео, разумеется, отсутствовал. Там числился Федор Александрович Сакс. Однако аспирант Сакс нечасто навещался в библиотеку – к ученой степени он не стремился. Федор отбывал срок в аспирантуре, пережидая, пока выйдет из призывного возраста и будет неподвластен военкомату. Кое-как сдавал кандидатский минимум, совершенно запустив назначенную научную тему.

Часами Тео валялся на диване с историческими романами и справочной литературой в руках: сочинял модули и квесты – сценарии будущих игр. Немало времени тратил на то, чтобы клепать доспехи, мастерить бутафорию для очередного выезда в поле. Все артефакты и предметы должны были в деталях соответствовать отыгрываемой эпохе. Часто его квартира превращалась в филиал военно-исторического музея, где собирались соратники по играм. Они засиживались до глубокой ночи, смачивая горло хорошим пивом, спорили о концепциях и составляли новые планы военных реминисценций. Материально Федору-Тео, как и большинству его друзей, помогали родители.

Отец Тео, Александр Манфредович Сакс, происходил из обрусевших немцев – его предки поселились в России еще во времена Екатерины Великой. В годы войны Манфред, дед Тео, был выслан в Казахстан и после смерти Сталина вернулся в Ленинград. Александр Манфредович хотя и родился на поселении, вырос в городе на Неве. Здесь закончил истфак университета. Наука история, меняющая расцветку как хамелеон, помогала ему приспособли-

ваться к новым правилам. Молодой обществовед быстро защитил кандидатскую диссертацию и устроился в один из вузов, однако его придерживали из-за анкетных данных. Проработав десять лет на кафедре, он так и не удостоился звания доцента – сидел на ставке старшего преподавателя. Зато в перестройку знаток общественных отношений сумел оседлать бизнес-коня. Он увлекся социологией, открыл агентство по изучению, а точнее, по формированию общественного мнения, и теперь имел приличный доход.

Мать Тео, Валентина Владимировна, работала методистом на кафедре. Работала себе в удовольствие (платили ей немного) – она была общительна и любила быть на виду.

Тео рос, уже не зная национальной дискриминации. Мальчика определили в престижную спецшколу, где он и выучил язык предков. Отец его знал немецкий кое-как, в семье говорить на родном языке не было принято. Зато Тео перенял от отца интерес к истории, особенно к Средним векам. Сухие даты и великие имена мало интересовали мальчика – он был наделен большим воображением и ясно представлял себя в рядах рыцарского ордена. Все детство, как и другие мальчишки, он провел, сражаясь на деревянных мечях с картонным шлемом на голове. И Тео не расстался с играми, когда повзрослел. В университете он сошелся с другими любителями инсценировок сражений, стал ведущим мастером. Более того, и по выходе из университета продолжал жить средневековым рыцарством.

Мать Тео одобряла его увлечение. Главное, считала она, чтобы мальчика раньше времени не окрутила какая-нибудь ушлая девица. Поэтому Валентина Владимировна старалась контролировать знакомства сына. Нет, она не навязывала свое общество его компании, но старалась задержаться порой в квартире, чтобы увидеть тех, с кем сын проводит время. Удовлетворив свое любопытство, покидала дом.

Отец подгонял Тео с диссертацией, но слишком не наседал, понимал, что кнут в этом деле – не помощник. С еще большей надеждой он пытался втянуть Тео в работу своей фирмы. Однако Тео считал политику делом безнравственным, таким же, как исторические догмы, из которых складывались научные диссертации. А потому уклонялся от предложений отца, оставаясь свободным рыцарем. У Великого Магистра свои представления о чести!

И в этот вечер на квартире Тео заседал клуб ролевиков. В августе предстоял очередной отыгрыш в поле, и друзья проверяли готовность к новой игре. В комнате были разложены доспехи и атрибуты Средних веков, по стульям развешаны костюмы рыцарей, инквизиторов, прекрасных дам и распутниц. Девушек в компании было наперечет. Право голоса и вовсе имела только одна – Оливия. Никто уже не помнил ее настоящего имени, ибо Оливия и Тео – основатели клуба. Оливия, чуть сутуловатая, неизменно выбирала роли проституток или еретичек. Однако в жизни была вполне добропорядочна и интеллигентна, работала переводчицей в солидной фирме. Сегодня, помимо прочего, праздновали день ее рождения. По этому поводу компания закупила несколько бутылок красного вина.

Напиток разлили по бокалам. Тео острой иглой царапнул палец Оливии, и маленькая капелька крови выступила на розовой коже. Оливия почти символически капнула крови в каждый из бокалов, и ребята дружно сомкнули их. Выпили за здоровье своей сестры. Затем пили еще, уже без тостов и магических ритуалов. Обсуждали предстоящую поездку на игру, забыв об имениннице.

Но если мысли ребят были заняты только сценарием, то Оливия думала о Тео. Несколько лет они тусуются в клубе, столько выездов в поле, столько задушевных вечеров – и ни одного романтического свидания! Оливия устремила на Тео взгляд влюбленных глаз. Но тот запальчиво спорил с оппонентом, не замечая томления девушки. Оливии ничего не оставалось, как вклиниться в диспут, разумеется приняв сторону Тео. Она заговорила высоким стилем, будто уже находилась в игре:

– Доблестные рыцари, Тео прав. Средневековый лекарь, алхимик, должен быть немного злодеем. Пусть у него в походном рундуке будет немного яда.

Игрок, назначенный на роль Лекаря, победно улыбнулся: злодеев играть всегда интереснее. А Тео улыбнулся Оливии, поблагодарив за поддержку.

Короткая летняя ночь промелькнула мгновенно, но усталость брала свое. Одни ребята уже дремали, сидя на диване, другие начали расходиться по домам.

Оливия подловила Тео в полутемном закоулке извилистого коридора старинной квартиры. Она повисла на нем, жарко шепча на ухо:

– Тео, любимый, сжался надо мной!..

Но редкому мужчине знакомо слово «жалость». Если плоть не горит, мольбы бесполезны. Тео постарался освободиться от объятий:

– Юная дева! Ты с ума сошла. Великий Магистр не достоин твоей любви.

– Брось, Тео. Сейчас мы не на игре. Я хочу тебя.

Но Тео извернулся и, сбросив руки Оливии, быстро пошел в комнату. У девушки слезы навернулись на глаза. Оливия сняла с вешалки ветровку и неслышно выскользнула из квартиры.

3

Работа у Вали в этот день не заладилась. С утра в собесе косяком тянулись пенсионеры – правительство объявило об очередном перерасчете пенсии, и старикам не терпелось узнать новые суммы выплат. К каждому инспектору выстроилась очередь. Валя старалась работать быстрее, но неожиданно взбунтовался принтер. Волнуясь, девушка подошла к сослуживице, необъятных размеров женщине средних лет:

– Наталья Егоровна, вы не могли бы обслужить этого пенсионера?

Та, не поворачивая головы, зло отбрила новенькую:

– Это не мой участок. У меня своей работы выше головы.

– Да, но...

– Вызывай мастера, раз у тебя принтер сдох.

Вале пришлось выставить расстроенного посетителя ни с чем. Старик было заартачился, но очередь уже насадала:

– Идите, идите. Вам сказали, завтра!

Мастер должен был прийти после обеда. Обслуживал оргтехнику в собесе Константин Васильевич Селезнев. Женщины называли его «наш Костик», хотя Костику уже стукнуло тридцать семь. Когда-то Костик закончил курсы телемастеров, но его фирма распалась, а на новое, такое же выгодное место, Константин не сумел устроиться. Да и впечатление производил на работодателей неважное: небрежно одетый, худосочный, а при волнении еще и заикался. Даже холостяцкое положение Костика ставили ему в минус – человек в его возрасте должен быть женат! Конечно, Селезнев мог бы устроиться в ремонтную мастерскую, но он ценил свободный график. У Костика было увлечение, требующее времени, – он просто болел цветами! Костик засадил ими весь свой маленький дворик, благо жил на окраине в частном доме. В собесе работал на полставки – заправлял принтеры и факсы, делал мелкий ремонт. А если поломка серьезная, отправлял прибор в специализированную фирму.

Костик приходил в отдел ближе к вечеру, когда прием посетителей закончен. И почти всегда приносил женщинам цветы. Неловко положив букет на чей-нибудь стол, скороговоркой бормотал:

– Ув-важаемые ж-женщины, вот. Пусть будет!

В зависимости от сезона менялся вид букета. Весь май на подоконнике стояли невиданной окраски тюльпаны. В июне их сменяли розовые и огненно-красные персидские ромашки, в июле цветочное нашествие принимало промышленный масштаб.

В последнее время Костик стал подкладывать цветы на стол новенькой. Но это можно было посчитать и случайностью – стол Вали стоял возле двери. Никогда Костик не вручал цветы женщинам лично. Он приносил их в комнату с виноватым видом, будто делал что-то недозволенное.

Женщины готовились к визитам мастера по-разному. Статная пожилая Ванда Казимировна Полевич проходила помадой по губам. Несмотря на солидный вид, она была здесь, как и Валя, новым человеком. Давным-давно Ванда Казимировна закончила институт культуры, долгие годы заведовала районной библиотекой. Когда библиотеку закрыли, пришла сюда. В собесе всегда была чехарда с кадрами, а культурный человек – на вес золота. Когда в отделе появилась Валя, Ванда Казимировна стала опекать девушку, хотя и сама еще на тот момент не освоилась. Потом они поменялись ролями – уже Валя помогала пожилой сотруднице управляться с компьютером.

Мать-одиночка Марьяша Зайченко, хоть и была ближе к Вале по возрасту, подругой не стала. Все ее интересы сосредоточены на сыночке. Только о нем она и говорила. Из посещений Костика Марьяна извлекала пользу – на случай внезапного визита мастера у нее в столе всегда ждала сломанная ребенком игрушка. Костик чинил безвозмездно. В благодарность Марьяша первая бежала за водой, чтобы цветы Костика заняли достойное место. Как мужчина мастер девушку не привлекал.

Охотно заботилась о цветах и Наталья Егоровна, «Толстая Натаха». Та самая, что сегодня отказалась принять «чужого» пенсионера. Толстая Натаха была тут старожилом. Ее считали начальницей, хоть она занимала лишь должность ведущего специалиста. Сам начальник обосновался в отдельном кабинете и с рядовыми сотрудницами общался редко. Все распоряжения передавал через Наталью Егоровну, своего негласного заместителя.

Толстая Натаха заботилась о цветах Костика не только на правах старосты, но и как «мачеха». Много лет, пока мать Кости тяжело болела, Толстая Натаха была любовницей его отца. Лишь недавно, когда старик овдовел, она стала официальной невестой. Но именно к пасынку тянулось ее замороженное связью со стариком сердце. Однако Костик боялся отца и предпочитал не замечать ее притязаний. Да и обида за покойную мать покусывала. Впрочем, Толстая Натаха не теряла надежды.

Едва Костик входил в комнату, она ловким движением накручивала на палец челку, та превращалась в кокетливое колечко. Потом расстегивала несколько пуговиц унылой кофты, выпуская на свободу крупные груди, обтянутые трикотажной майкой-футболкой. И расцветала приветливой улыбкой.

Валя довольно быстро заметила эти метаморфозы, но ей самой Константин не нравился – среднего роста очкарик, со старомодными усиками. Он казался ей стариком. Но, узнав, что этот человек холост, она смягчилась. Все неженатые мужчины в глазах женщин выглядят возможным трофеем.

Однако сам Константин выделил новенькую сразу. И совсем не случайно пихал свой букет на ее стол. Девушка ему понравилась: тихая, скромная, простая – полная противоположность разнузданной Натахе. Валя будоражила воображение мастера, и он исподволь обхаживал ее, старался задержаться рядом. Постепенно Валя стала чувствовать себя в его присутствии свободнее, даже иногда позволяла себе подшучивать над ним.

Сегодня Константин явился под вечер. Он стыдливо положил Вале на стол букет розовых метелок и, ни на кого не глядя, промямлил:

- 3-здрате. Вот астильба расцвела. П-по-ставьте в воду. Ну, ч-чей факс ч-чихает?
- Принтер у меня сломался, Константин Васильевич, – сообщила Валя.
- Ну, какие ж-жалобы у нашего б-большого?
- Да вот, бумагу не прогоняет.
- А п-печатает?

– Нет, даже не вздрагивает.

– С-сейчас п-проверим.

Костик открыл крышку, прогнал тесты, смазал какие-то колесики. Ошибка не выявлялась. Костик погрузился в размышление, уткнув голову в ладонь, как Сократ.

Вдруг Валя дернула себя за челку:

– Я, наверное, случайно вывела его из активного состояния!

Девушка быстро пощелкала компьютерной мышкой, и принтер загудел.

– Извините, Константин Васильевич, я маху дала, отключила связь.

Костик посмотрел на Валю, довольный, что задача разрешилась так просто, погладил себя по лысеющей макушке и важно заявил:

– Над-до б-быть внимательнее, Валя.

Валя удивилась. Ее оплошность простительна, она начинающий пользователь. Но мастер? Он-то должен был проверить настройки в первую очередь!

– Од-дин ум хорошо, а п-полтора лучше, – плоско пошутил Костик. Затем положил перед Валеи акт о выполнении работы: – Р-расп-пи-шитесь, что работа с-сделана. Кстати, к-как вас по б-батюшке?

– Валерия Викторовна Гостева, – напомнила девушка.

– Значит, вы н-не н-настоящая Валентина. А, т-так сказать, в сокращении?

– Почему же? Самая натуральная. Меня с детства все так зовут.

– Но Валерия з-звучит современнее. Или просто Лера.

– Вот еще, – буркнула девушка, отчего-то покраснев. – Зовите меня, как все, Валя.

– Ладно, Валечка. С именем м-мы оп-пределились. А к-как насчет воскресной п-прогулки по парку? А то наше з-знакомство к-как-то односторонне, в-все на раб-боте да на работе.

Толстая Натаха встрепенулась. Новенькая сотрудница сразу ей не понравилась. Вроде и тихая, и простая, а себе на уме! Потихоньку-потихоньку, а Костика в свою сторону заворачивает. Нет, Котьку она первой попавшейся проходимке не отдаст! И научит уважать старших, да прямо сейчас:

– Костик, будь добр, посмотри, пожалуйста, мой телефон. Что-то гудок в нем исчезает: то есть, то нет.

– Не может быть, Наталья Егоровна! – официально отозвался Константин. – Т-теле-фоны я н-на прошлой неделе п-проверял, все б-были исправны. Ну-у, ладно. Сейчас п-по-смотрю.

Пересаживаясь к столу Толстой Натахи, Костик успел вырвать у Вали согласие на свидание в субботу. Пока мастер разбирал телефонный аппарат у ее негласной соперницы, Валя тайком наблюдала за обоими. Толстая Натаха по-хозяйски накрыла колено Костика ладонью, затем добралась до ширинки... Он выпрямился и замер, сжимая телефонную трубку. Натаха потерлась коленкой о коленку пасынка. Валя усмехнулась, однако предстоящее свидание с Костей приобрело в ее глазах дополнительную: ценность. Женщины, как и мужчины, тоже любят одерживать победы.

Обширные угодья гатчинского парка, разбитого в английском стиле, выглядели старомодно-очаровательными. С вершины горы, где возвышался дворец, взору открывались холмы и низины, рощицы и пруды, и многочисленные мостики, подковами перекинутые через узкие протоки. Однако ныне парк был порядком запущен и поражал обилием диких зарослей. Зато каждый посетитель мог найти здесь уединенный уголок.

Жаркий день привлек отдыхающих. Одни хотели позагорать, другие освежиться в прохладной воде, а иные чудики-интеллектуалы приехали из Питера ради замка-дворца архитектора Ринальди.

Валя в недоумении внюхивалась в букет мелких беленьких цветов, преподнесенных Константином. Да, все-таки лук – пусть декоративный, неаполитанский, но запах исконный, луковый. Константин продолжал удивлять Валю. Он расстелил на травке у воды предусмотрительно

захваченное покрывало, предложил располагаться. Фигура Вали, хотя и не соответствовала голливудским стандартам, выглядела соблазнительно. Костик впился взором в ее упругие холмики, слегка прикрытые чашечками оранжевого купальника, потом перевел взгляд на мягкий овал живота, на налитые девичьей силой крепкие ноги. Зато сам, обнажившись до плавков, предстал перед Валею в неприглядном виде. Иссушенно-загорелые части тела – лицо, шея и кисти рук – казались привинченными к бледному до синевы торсу. И ни единой волосинки – ни на груди, ни на ногах с остро торчащими коленками. Понятно, почему Костя так лелеял свои усы!

– Вы впервые за все лето на пляже?

– Да. Мне некогда. Целыми днями в своем садике копаюсь.

– Понятно, почему у вас лицо обгорело. А что вам мешает раздеться до пояса, когда в саду работаете?

Костик смутился. Он знал за собой такую странность – нелюбовь к обнажению. И сейчас, оставшись в одних плавках, чувствовал себя неуютно.

– П-понимаете ли, работа грязная, земля... – И тут же, переменив тон на шуточный, предложил: – П-пошли тонуть, Валюнчик. Поп-плещемся.

– Что за черный юмор, Константин Васильевич.

– Какой еще к черту Васильевич! – возмутился Костик. – Просто Костя. Если хочешь – Костик, меня все так зовут.

Церемонии между полураздетыми людьми выглядели излишними, между Валею и Кости-ком быстро установилось понимание. Три месяца формальных встреч на работе или день на пляже – есть разница! Пожарившись еще немного на солнце, оба встали и шагнули к пруду. Костик солдатиком прыгнул в воду и исчез. «Пошли тонуть», – с ужасом вспомнилось Вале. Но спустя минуту, показавшуюся Вале вечностью, Константин вынырнул чуть в стороне и безмятежно помахал девушке. Валя принялась ругать его за такие шутки, но Константин только смеялся.

Тут же эхом раздался смех позади Вали. Она оглянулась. Раздвигая кусты, на берег вышла Толстая Натаха. Она была одета в красный сарафан, как участница ансамбля народной песни. Впрочем, жаркий день всем давал волю.

– Детский сад, да и только, – сказала она, обращаясь к Вале. – С Кости-ком не соскучишься, верно?

Появление Толстой Натахи на берегу не обрадовало Валею. Мало она ее доставала на работе! Рядом с ней, на поводке, подхваченном под лапками, восседала толстая кошка. Когда кошка сдвинулась с насиженного места, стало ясно, что она пометила сандалеты Кости-ка.

– Фу, Туся, – покачала головой Натаха. Однако, судя по довольной улыбке хозяйки, та вовсе не обескуражена поведением питомицы. – Сколько раз говорила, так нельзя поступать!

– Впервые вижу кошку на поводке, – нейтрально заметила Валя.

– Туся любит гулять в парке, но я боюсь, что без поводка она потеряется. Да и столько собак вокруг.

Костик вынырнул в очередной раз, увидел мачеху и, быстро загребая руками, поплыл за остров.

Тем временем Толстая Натаха разделась до купальника. Черное трикотажное полотно облегло ее мощное тело, одновременно скрывая и подчеркивая изысканности зрелой фигуры. Взяв испачканные кошкой сандалеты, женщина пошла полоскать их в пруду.

Толстая Натаха привязала поводок с кошкой к иве, росшей над водой, и плюхнулась в пруд. Вода резко разверзлась от мощного тела и тут же вытолкнула его. Натаха поплыла в ту сторону, где скрылся Костик. Ей почти не приходилось делать усилий, чтобы держаться на поверхности. Она лишь подгребала руками, задавая себе направление. Валя позавидовала ее

легкости и умению плавать. Грузная и малоподвижная на земле, в воде Натаха становилась грациозной бегемотихой.

Когда Натаха исчезла из поля зрения, Валя вскарабкалась на склоненный вдоль воды ствол ивы и неуверенно побултыхала ногами. Как вести себя дальше? Ясно, что остаток дня они проведут втроем. Не прогонишь же знакомого человека с пляжа.

Костя и Натаха вернулись не скоро. Щуплое тельце мужчины посинело и дрожало от холода, Натаха, напротив, покраснелась, помолодела и чувствовала себя великолепно.

– Ну что, – предложила она, – перекинемся в дурака?

Вскоре все трое уже сидели на покрывале и чинно играли в карты. Костя все время оставался в дураках, а Натаха подсмеивалась над ним. И Валя смеялась над его невезением, невольно подыгрывая Натахе. Она чувствовала неестественность своего поведения, но подделывать ничего не могла. Валя не умела развлекаться в компании, лишь делала вид, будто ей весело. Прежде, в школьные годы, она вела себя тихо и незаметно, но ее незаметность обращала на себя внимание больше, чем развязность. «Ты что такая скучная? Почему не пьешь, не поешь, не участвуешь?» Лишь оставаясь наедине с хорошо знакомым человеком, Валя становилась естественной.

Вскоре Натахе пришлось бросить карты. Туся не желала сидеть на поводке, кусала его, мяукала и рвалась прочь.

– Придется мне вас оставить, ребятки. – Толстая Натаха встала, облачилась в красный сарафан. И отправилась к иве, освобождать Тусю.

Костя и Валя облегченно вздохнули. Но настроение было испорчено. Костя опасался, что Натаха, пока болтала на берегу с Валею, могла что-нибудь порассказать о нем. А общие секреты у него с будущей мачехой имелись. Когда-то Костик поддался на ухаживания этой женщины и стал ее любовником. Но теперь, после помолвки отца и Толстой Натахи, Костик прекратил греховную связь. Старик выжидал достойный срок траура по покойной жене, чтобы привести в дом молодую. Пока же, в ожидании часа икс, невеста жила отдельно.

Уже отойдя на несколько шагов, Толстая Натаха обернулась:

– Да, Костик, чуть не забыла. Не заглянешь ко мне вечером, телевизор проверить? Экран горит, а звука нет.

– Н-нет, Наташа. К-как-нибудь в д-другой раз. С-сегодня я занят.

Толстая Натаха игриво погрозила ему пальчиком и, насмешливо улыбнувшись Вале, удалилась. Красный сарафан откатывался все дальше, как выбитый за пределы игрового поля огромный мяч.

После ухода Натахи Константин раскрыл баульчик с провизией и выложил на газетку бутерброды. Валя с удовольствием перекусила, запила тепловатой водой из бутылки. Она мысленно укорила мужчину за скаредность, мог бы лимонаду купить. Однако тут же оправдала его, вспомнив, какие оклады установлены в собесе. Ей тоже кутить не на что!

Перекусив, начали одеваться. Костик, облачась в джинсы, вдруг обнаружил, что пропали сандалеты. Валя поведала о казусе с участием Туси. Сказала, что сандалеты должны быть на берегу, куда Натали положила их на просушку. И сама же бросилась показать место.

Но Костик заупрямился. Эта Туся принесла ему столько неприятностей! Еще котенком как-то расцарапала ему лицо. В тот вечер, помнится, Натаха лишила Костика девственности. А сегодня гадкая кошка унизила его перед/Валею. Если бы Натаха хотела отомстить Косте за его прогулку с Валею, лучше выдумать не смогла бы. Хотя, ясное дело, кошка разрешения у хозяйки не спрашивала.

– Оставь, Валя. Мне не нужно это старье. Все равно кошачий запах не выветривается. Пойду босиком, по такой теплой погоде даже полезно.

Пока шли парком, все было нормально. Но в городе, на асфальтированной улице, Константин смотрелся нелепо. Валя сжимала в кулаке порядком поднадоевший луково-цветочный букетик. И надо же, именно в этот момент внезапно появился ее петербургский знакомый:

– Hallo, Лера!

Валерия вздрогнула. Тео здесь, в богом забытой Гатчине? Невероятно. Она так и не решилась позвонить ему, да и знакомство не принимала всерьез. Как будто, повесив на крючок шляпу, заодно забыла и о фантазиях, неожиданно выпущенных ею однажды. Валерия, будто невзначай, опустила руку с букетиком за спину. И снова стала искусственно оживленной:

– Привет, Тео. Ты что здесь делаешь?

– Явился лицезреть дворец, говорят, его прилично отреставрировали. А тебя сюда какие черти занесли?

– А я... приехала к родственничкам на выходные. Вот, возвращаемся из парка.

– Познакомь меня с босоногим аборигеном.

Валерия посмотрела на Костю глазами Тео: гатчинский житель был сейчас откровенно смешон. Ей стало неловко разводить китайские церемонии.

– Мы торопимся, извини.

Костя слегка обиделся, что его приравнили к родственникам, но сам знакомиться с городским пижоном не жаждал. Тео тоже не мог задерживаться – на углу возникла группа парней, и они хором позвали его.

– Вынужден откланяться, господа. Отбился от компании, пока за сигаретами бегал. Да, Лера, ты почему не звонишь? Телефон потеряла?

– Нет, у меня осталась твоя визитка.

– Ну, тогда тренькни сегодня вечером.

Валерия кивнула, не глядя на Костю. Тео зашагал в сторону веселой компании.

– Это что еще за Тео? Откуда ты его знаешь? И почему должна ему звонить? – спросил Костик.

– Это... мой знакомый по институту.

Каждая ложь всегда порождает новую. Валерию задели за живое ревнивые нотки в голосе спутника. И почему Костя позволяет себе говорить с ней таким тоном! Валерия сама пошла в атаку:

– Я же тебя не спрашиваю, почему Натаха так бесцеремонно уселась на наше покрывало!

Костя стушевался, замолчал. А мыслями Валерия сейчас была не с ним. Хотя Тео скрылся из вида, девушка видела его спортивную фигуру словно наяву: модные черные очки, мобильник, кулоном сверкающий на белой футболке, шорты по колено, выгодно подчеркивающие длинные, загорелые и мускулистые ноги... Даже привычно лохматые волосы выглядели стильно. А Константин... вот он – шлепает рядом по асфальту босиком – ужасен! Дешевые мешковатые джинсы, очки в старушечьей оправе, старомодная рубаша с просторными короткими рукавчиками, которые полощутся вокруг тощих рук, как юбочки на ветру. Наверное, Костя думает, что выглядит нарядно.

Костя, героически обжигая пятки горячим асфальтом, проводил Валерию до ее пятиэтажки в центре и уже бегом помчался к себе на окраину.

Он жил со стариком-отцом в когда-то добротном, а ныне слегка обветшалом доме. Прежде хозяйство держалось на плечах отца, Василия Константиновича. Тот долго заведовал строительным складом, а потому его собственный дом всегда был в порядке – вовремя подновлялась крыша, перестраивалось крыльцо, возводилась банька. Но в реформенное время положение отца изменилось. Отца отлучили от заведования, да и лет ему набежало порядком. Однако он продолжал служить сторожем на том же складе и, как гаишник на дороге, собирал мзду с мелких воришек, выносящих неучтенные материалы. Этот приработок был несравним

с прежними доходами, но позволял сносно жить семье. Жена Василия Константиновича долго болела, на лечение требовались деньги. Но и лекарства не помогли.

Минувшей зимой мать Костика скончалась. Еще при ее жизни Василий Константинович начал встречаться с Натахой. И, хотя его мужская удаля уже не поражала воображения, молодая женщина щедро отдавала себя старику. Взамен он помогал ей чем мог. Пока еще руководил складом, устроил комнатку в коммуналке – до этого Натаха жила в общежитии и работала в жилконторе паспортисткой. Старик и в дальнейшем, уже будучи сторожем, баловал подружку – покупал подарки, подкидывал стройматериалы на ремонт комнаты. Обещал ей отписать дом и деньги с валютного вклада, если она выйдет за него замуж. У Толстой Натахи выбора не было. Многие мужчины любят полненьких, но ее полнота выглядела пугающе. Поэтому в свои тридцать девять она все еще оставалась одинокой. Костя был Натахе более люб, чем его отец, но властный старик не отдал бы сыну свою добычу. «Но долго ли ему осталось?» – размышляла Толстая Натаха. А там, глядишь, вместе с домом ей и сынок достанется. Потому, соглашаясь на брак со стариком, она рассчитывала удержать при себе двоих.

Костя, хотя и рос в частном доме, где всегда имеется много мужской работы, был маменькиным сынком. Мать, кассирша на одном из заводиков, ограждала его от всех дел, следила только за учебой сына. Она буквально стояла за его спиной, заставляя учить уроки. Хотела дать сыну высшее образование, но отец считал, что парню важнее побыстрее получить профессию. Сам он занимал достойное и денежное место без всяких институтов. А потому Костя закончил лишь техникум. Отец, пользуясь старыми связями, отмазал сына от армии, используя грыжу, обнаруженную у парня. (Позднее Косте сделали операцию, и он стал абсолютно здоров.) Почему Костю отвергали девки, отцу было ясно: сын – сам баба. Но его не беспокоила судьба Кости, мужику жениться никогда не поздно.

Когда слегла хозяйка, сразу сказалось отсутствие женской руки. Дом быстро начал приходить в запустение. Тогда Толстая Натаха и легализовалась, появилась в доме как нанятая стариком помощница. Умиравшая догадывалась о роли помощницы, но сил воспротивиться ходу событий уже не имела. Костя большую часть времени заботился о цветах – сажал, выпалывал, поливал, подвязывал стебли, закрывал от холода. На эти дела у него было в достатке и желания, и упорства. Прагматичный старик, его отец, подбивал сына выращивать цветы на продажу, но Костя и слушать об этом не желал. Он выписывал откуда-то из дальних краев диковинные семена, а потом озадаченно наблюдал, как очередной чужак гибнет в неподходящем климате. Зато редкие удачи, распустившиеся цветки, радовали его едва ли не больше, чем любовь девушки.

После босоногого марафона по улицам городка, после встречи с неожиданным соперником Костик, как обычно, нашел утешение со своими «детками» – так он ласково называл высаженные им растения. Он подошел к клумбе неаполитанского лука, разоренного им сегодня ради подарка для Вали, и грустно отрапортовал ему:

– Вот такие, дружок, пироги.

4

Валерия страдала от неумения гармонично общаться с людьми. Ее поведение всегда выбивалось из нормального, и ничего поделать с этим она не могла. В учебной группе, на работе казалась излишне сухой, безэмоциональной. На отдыхе, вечеринке – преувеличенно веселой и беспечной. И даже использовала два имени: Лера – для досуга, Валя – для службы и дома. Но превращение, к которому ее подтолкнула шляпа, испугало девушку.

Вечером, после прогулки с Костей, она взяла лист бумаги и села писать письмо в Карелию.

«Дорогая Анжелика! Со мной недавно произошла невероятная история. После экзаменов я совсем обалдела от радости и купила себе потрясную шляпу, огромную, как телевизионная тарелка. В тот день я выглядела в ней полной дурой, и один парень принял меня за проститутку. Но в другой раз я специально сшила к ней длинную юбку, пошла в Эрмитаж. Помнишь, как мы с тобой впервые посетили этот музей? Так вот, в Эрмитаже я снова встретила того же парня, мы познакомились. Он назвался Тео. Он, вообще, большой чудак. И разговоры у него странные, и имя себе придумал чудное. Я так и не поняла, чем он занимается, но сразу почувствовала, что он из высоких сфер. И как-то не решилась признаться, что работаю в собесе, соврала, будто журналистка...»

Валерия отложила письмо и, убедившись, что тетушка занялась стиркой в ванной, подошла к телефону, набрала номер Тео. Он отозвался радостно и громко:

– Кто, Лера? Молоток, что позвонила.

Они договорились встретиться на следующий день в метро, внизу на станции «Невский проспект». Валерия вернулась к секретеру и продолжила писать:

«Теперь не знаю, как ему признаться. Решит, что я врушка. Но ты-то знаешь, что я никогда не выставлялась, не важничала. Напротив, на работе ниже травы себя веду, в универе тоже незаметна. Эта шляпа будто заколдовала меня. Веришь? Ты никогда не пробовала что-то необычное на себя нацепить? Попробуй! Интересно, как ты будешь себя чувствовать? И еще у меня сейчас одна дружба завязалась, на работе. Но об этом в другой раз. Сейчас закругляюсь. Завтра у нас с Тео первое настоящее свидание».

Пока электричка везла Валю-Леру в славный город Питер, девушка готовилась объяснить с Тео. Так, мол, и так. Я пошутила, что работаю тележурналисткой. Вообще-то живу я в Гатчине, работаю в собесе. Но по мере приближения электрички к городу решимость Валерии таяла на глазах. Наверняка он сразу разочаруется в ней и прекратит встречи. На подъезде к Питеру Валерия надела шляпу, накинула на плечи шаль и окончательно превратилась в Леру. Шляпа одновременно придавала уверенности Валерии и подталкивала к необдуманным поступкам. Никогда прежде Валерия не замечала за собой склонности к сознательному лицедейству, а тут вдруг проклюнулось. Правда, журналисткой она назвалась не случайно. Ее полудетская мечта вырвалась наружу и воплотилась в самоуверенной девице в шляпе. Ну и что, если журналистки шляп не носят! Зато уверены в себе, как манекены из витрины. Новоиспеченная журналистка быстренько сочинила легенду о гатчинской родне. В ней нашлось место и убогому двоюродному братцу Константину. А что? Костя заикается, ведет себя странно. Его старый отец превратился в писателя-диссидента. Испытанные им гонения объясняли отсутствие дядиных книг в библиотеках и магазинах. А ныне этот писатель ослеп и уже не может работать! Измышления Валерии становились все ярче и причудливее.

На платформу вокзала Валерия вышла, ощущая себя журналисткой. Она нырнула в метро и вскоре оказалась в условленном месте подземного дворца – вестибюля станции. Тео ждал ее.

Новая встреча с питерским интеллигентом окончательно выветрила из души вчерашнюю прогулку с Костей. Валерия беспощадно предавала его, смеясь вместе с Тео над нелепым видом своего «двоюродного брата». Но сплетничали они недолго. Тео мало интересовали родственники, он думал, чем развлечь девушку сегодня. У него опять было туго с деньгами, и он не мог пригласить Леру в кафе. И Тео предложил прогуляться по городу, посмотреть вновь установленные памятники. Городская скульптура последних лет поражала если не качеством, то количеством разнообразных фигур. Он предложил Валерии побыть экскурсоводом, полагая, что она, как работник ТВ, в курсе всех новинок.

Девушка растерялась. Петербург она знала слабо. Смогла вспомнить только известные монументы: Медного всадника, Екатерину, Ленина на броневике. О новинках что-то слышала

по радио, но назвать конкретные адреса не смогла. Зато на память услужливо пришла фраза из передачи. Ее-то и вернула сейчас Валерия:

– По-моему, все эти новые скульптуры – просто китч, не стоит внимания!

Тео пожал плечами – по сути, и он так думал, но чем еще развлечь малознакомую девушку, когда в кармане не бренчит и копейки... А потому проявил настойчивость:

– Но мне бы хотелось посмотреть и составить свое мнение. Поехали на Васькин остров. Там фигуру Василия установили, по легенде, одного из работников царя Петра. Или пошли бронзового кота Елисея посмотрим у магазина.

– У Елисеевского? – на всякий случай уточнила Валерия.

– Само собой, где же ему еще быть.

Елисеевский магазин был известен всем, даже приезжим. Он находился здесь же, на Невском проспекте. Валерия уверенно повернула в его сторону. Кот притулился на выступе между первым и вторым этажом и равнодушно смотрел поверх зевак. Тео, несколько смущенный предложенной им программой прогулки, старался заговорить Валю-Леру. Он с легкостью перескакивал с одной темы на другую. От истории родного города переходил к традициям тамплиеров, указывая на аналогии, спорил сам с собой. С ним Валерии было интересно. Она порой даже забывала о своей роли и становилась сама собой, что случалась с ней редко. Оба уже не вспоминали о первоначальном плане смотреть современные поделки. Просто бездумно брели по обновленному, выложенному элегантными плитками тротуару. И им было хорошо вдвоем, среди плывущей по Невскому проспекту толпы.

Спустя какое-то время оба ощутили, что проголодались. Тео, не раздумывая долго, пригласил девушку к себе домой, благо они кружили в его районе. Дома у него всегда было что поесть. Регулярно приезжала мама и забивала холодильник сына продуктами. Деньги, полагала она, могут распылиться не по назначению, да и отец Тео, Александр Манфредович, решительно возражал против денежной помощи. Он считал, что взрослый сын должен на девушек и развлечения зарабатывать сам. Но еда – это святое. Ребенок не должен голодать.

Валерия ахнула, войдя в квартиру Тео на Большой Морской. Особенно поразила огромная, метров под сорок комната: высоченные потолки, лепнина, старинный, причудливо выложенный паркет. Хотя на месте некоторых дощечек были вставлены заплатки, все же он выглядел великолепным ковром. И вполне уместными в этом дворце, смотрелись на стенах большие бутафорские мечи, похожие на настоящие. Это был реквизит минувших и предстоящих ролевых игр команды Тео. В углу комнаты стоял рояль, на пюпитре лежали раскрытые ноты. Рояль остался Тео от бабушки, в прошлом музыкантши. И только неряшливо брошенная на стулья и диван одежда нарушала гармонию гостиной.

– Ты играешь? – спросила Валерия, игнорируя беспорядок.

– Так, немного, – кокетничая, ответил Тео.

В свое время он закончил не только спецшколу с немецким языком, но и среднюю музыкалку. Тео давно забросил занятия музыкой – лишь иногда развлекал ребят маршами. Их бравурные мелодии он любил, как все военно-романтическое. Тео сел и отбарабанил военную мелодию, потом потащил гостью на кухню.

Кухня по размеру могла считаться средней комнатой. Она и заставлена была комнатной мебелью позапрошлого столетия – резной буфет, круглый стол, оттоманка с валиками. Все с налетом времени и накипью газовой гари. Бабушка не хотела ничего менять, а Тео просто не замечал окружающей обстановки. В одной квартире так, в другой – этак. Все в порядке вещей.

– Лера, ты не обидишься, если я предложу тебе самой распорядиться с ужином? Продукты в холодильнике. Выбери, что понравится, а я пока немного приберу в своих хорамах.

Только теперь Тео увидел, в каком неприглядном виде гостиная. До прихода Леры он не замечал беспорядка. Безобразие, он знал, – в его спальне, одновременно служившей ему

мастерской. Там валялись обрезки кожи, картона, мотки проволоки и комом скатанная, никогда не заправлявшаяся постель. Но в спальню он не собирался вести новую знакомую.

Пока Тео распахивал по шкафам носки и рубашки, Валерия хозяйничала на кухне. Она достала из холодильника помидоры, огурцы, перцы и нарезала из них салат. Поставила на плиту кипятить воду, чтобы заварить вермишель быстрого приготовления, пакетики которой заполняли целиком одну из полок в холодильнике. Там же нашлись и кексы длительного хранения, в золотистой упаковке. В холостяцком хозяйстве Тео все было под рукой. Через полчаса молодые люди поужинали, и снова жизнь стала веселей.

Они вернулись в гостиную – теперь здесь был почти отменный порядок, не считая пыли на полу.

– Где у тебя швабра? – спросила Валерия, окинув комнату уже хозяйским взглядом.

– Да брось, Лера! Ты же не провинциальная барышня, чтобы вылизывать здесь углы. Давай послушаем лучше музыку. Слышала эту запись? Новая аранжировка концерта Глазунова.

Валерия поняла, что вышла из роли. Девушка с ТВ не должна обслуживать хозяйство парня. Она тут же исправила свою оплошность:

– Я и не собиралась их вылизывать, но тебе не помешало бы помахать шваброй. Впрочем, я не настаиваю. Послушаем музыку.

Тео включил CD-проигрыватель, и лазерный диск зазвучал в своей бесконечности. Молодые люди уселись на диване. За окном нависали поздние сумерки, но уличная реклама освещала комнату. Тео накрыл ладонь Валерии своей ладонью. Девушка не воспротивилась, напротив, слегка пододвинулась к Тео.

Поглаживая задумчиво пальцы девушки, Лео заметил:

– Странно, где ты эту мозоль набила?

Валерия поняла, что он имеет в виду мозоль от спиц, натертую за долгие годы вязания. Надо было срочно что-то придумать.

– Так, на гитаре упражнялась.

Это была полуправда. На гитаре Валерия действительно могла взять несколько аккордов, но брала инструмент в руки в последний раз год назад. Валерия соединила на груди половинки шали, закрыла глаза и приткнулась головой (шляпку в доме она все же сняла) к плечу Тео. Юноше ничего не оставалось, как поцеловать подставленные губы. Его неуверенное поначалу прикосновение тут же получило поддержку. Валерия крепко обняла парня, увлекая языком в глубину поцелуя.

– Ух ты! Где научилась так целоваться? – спросил он, едва переведя дыхание.

– Этому не учатся, Тео.

Валерия, конечно, целовалась с парнями, еще в военном городке. Но те поцелуи она скорее получала, чем участвовала в них. Ни разу она не отважилась на такую необузданность чувств, какую выказала только что. Сейчас она, а точнее, Лера, была просто невменяема. Девушка встала с дивана, лихорадочно расстегнула «молнию» на юбке и, переступив через упавшее на пол одеяние, вновь приблизилась к Тео. Шаль тоже оказалась на полу.

У Тео опыт обращения с женщинами был невелик. К тому же сумбурный, приобретенный в случайных эпизодах, на вечеринках. Подвыпившие девицы сами вешались на него, ему было неловко оттолкнуть их. Да и сам он в тех ситуациях обычно бывал нетрезв. Но в здравом уме и светлой памяти с ним такого не происходило. Сейчас они оба были трезвы как стеклышко и пьяны одновременно. Пьяны сумасшедшим вихрем страсти, захватившим обоих. Тео напрягся, но войти в девушку оказалось непросто. Еще одно усилие, еще толчок, и преграда взята. Валерия заскрипела зубами.

Тео прилег с краю дивана, нежно поглаживая Валю-Леру по груди.

– Лера, прости, – виновато сказал Тео. – Никогда бы не подумал, что ты первый раз...

Валерия блаженно улыбалась. Кратковременная боль прошла. Да, сегодня она стала женщиной, почти в двадцать три года. Поздненько, по нынешним временам.

Она сама не могла понять, почему с Тео у нее все случилось так стремительно. Возможно, обстановка квартиры, больше похожей на дворец, превратила Тео в принца. Или, войдя в роль божественной девицы с телевидения, девушка подсознательно поддалась стереотипу: творческим людям все дозволено.

Сегодня получилась такая чудесная, волшебная встреча! Признание, задуманное Валерией, само собой отодвинулось на будущее. Не сейчас. Поэтому она снова запретила Тео провозжать себя. Намекнула, что рядом с ее домом ему появляться опасно.

– Боишься, что мама в окно увидит?

Тео уважал свою маму и полагал, что девушки еще больше зависят от них. Даже такие независимые и современные, как Лера.

– Не в этом дело, – на ходу выдумывала Валерия. – На моей улице живет парень, который грозился... В общем, пока не время.

Они вышли из подъезда. Тео подпрыгнул на тротуаре, перегородил Валерии путь:

– Кто смеет тебе угрожать? Ты должна рассказать о своих проблемах. И дай мне свой адрес и телефон. Согласись, теперь мы не чужие. Дай хотя бы телефон секретаря музыкальной редакции или подружки.

– Сдаюсь перед напором обстоятельств. Готова прямо сейчас купить мобильник. Поможешь выбрать его и зарегистрировать?

– А у тебя хватит денег? Я бы тебе подарил, но сейчас с финансами туго.

– У меня есть с собой небольшая сумма, хотела должок кое-кому отдать, – беспечно отозвалась Валерия.

На самом деле она хотела присмотреть в специализированном магазине кожаную куртку. Что ж, куртка подождет.

Когда телефонная проблема была решена, уже наступил вечер. К Тео на мобильный позвонила мама и попросила заехать к родителям домой. Вроде бы требовалось передвинуть мебель. Теперь Тео и сам не настаивал на проводах Леры. У метро они расстались.

Только в электричке Валерия спохватилась, что забыла шляпку на вешалке у Тео. Свернутая шаль мирно лежала в сумке. Железнодорожные столбики, отсчитывая метры и километры, мелькали за окном, возвращая Валю-Леру в привычный мир. Девушка уже стыдилась своей опрометчивости. В первый же вечер отжаться парню! Разве сможет он ее уважать? «Это уже третья встреча», – спорила с ней безрассудная Лера. Но ее никто не слушал. И еще Валерия стыдилась, что предала Костю, милого, славного, простого. Чувство вины порождало в ней жалость к старому холостяку, почти похожую на маленькую любовь. Мысли Валерии металась от одного мужчины к другому, а чувства... А чувства перемешались в одном дурманящем букете, кружа голову.

5

Будни все расставили по своим местам. Вновь сотрудники собеса видели рядом с собой обычную девушку – инспектора Валю. Какая журналистка? Какая шляпа? Никто бы и не поверил, узнай он стороной о воскресных приключениях Валерии.

Прием посетителей закончился к обеду, во второй половине дня сотрудницы работали с документами и чувствовали себя свободнее – могли перекинуться словечком, позвонить домашним, побаловать себя чайком. Однако работа есть работа. Компьютер едва слышно гудел, навевая на Валю-Леру сон. Она вывела на экран электронную таблицу, заполнила нужные графы, распечатала бланк на принтере. Автоматическая пишущая машинка работала исправно, в помощи мастера больше не нуждалась. Костя вообще не появлялся в собесе уже

несколько дней. Валерия почувствовала, что скучает по старому чудаку. После прогулки по Гатчинскому парку он стал ей ближе, роднее. Девушка распечатала документы и посмотрела на часы – до конца рабочего дня времени оставалось еще порядком. Значит, можно немного поработать на себя. Все лето Валерия читала объявления, звонила в издательства, интересовалась, не требуется ли редактор. После защиты диплома она рассчитывала найти более интересную работу. Но везде получала отказ. Как-то она в случайном разговоре с Вандой Казимировной обмолвилась о своих поисках. И тут неожиданно выяснилось, что сын пожилой сотрудницы работает в Питере главным редактором одного из изданий. Ванда Казимировна обещала переговорить о Валерии. Несколько дней Валерия жила надеждой, но она быстро рухнула – редакторы изданию не требовались. Однако Валерии предложили заняться за небольшое вознаграждение корректорской обработкой текста. Ванда Казимировна принесла сразу и дискетку с материалом – сборник скучных рецептов для самолечения. Этим текстом сейчас и занялась Валерия.

Она снова пощелкала мышкой, и текст поплыл по экрану. Валерия удалила одно из двух рядом стоящих слов «которые», исправила смешно написанное слово «пищаварение», изменила неправильно употребленные автором заглавные буквы на строчные. Девушка так увлеклась работой, что не заметила, как у нее за плечами выросла Толстая Натаха:

– Так, так, интересно: «Узкий слуховой проход ведет к образованию в ушах серных пробок...» А ты знаешь, Гостева, к чему ведут посторонние занятия в служебное время?

– Наталья Егоровна, я, я... закончила обработку всех документов и подготовила справки на завтра.

– Это не дает тебе права отвлекаться. Закончила сама, помоги другому. Видишь, у меня на столе папки лежат? Надо сверить последние изменения по адресам. Кстати, я сейчас ухожу, начальник в курсе.

Валерия вздохнула, выключила компьютер и перетащила к себе на стол грудку папок со стола старшей по званию сотрудницы.

Едва Толстая Натаха, буркнув «пока», удалилась из комнаты, сотрудницы расправили плечи. Кому охота работать, когда до конца рабочего дня осталось чуть меньше часа.

– Валя, на чем тебя Толстая Натаха поймала? Ты что, гороскопы печатала? – полюбопытствовала Марьяша.

Валерия хмыкнула. Марьяшу она не собиралась посвящать в свои дела. Слишком часто видела, как та лебезит перед Натахой. Возможно, молодая мамочка пыталась загладить вину из-за частого отсутствия на рабочем месте. Ребенок постоянно болел, и ей приходилось водить его по врачам. Зато Ванда Казимировна, снабдившая Валю-Леру халтуркой, озабоченно вздохнула:

– Боюсь, Наталья Егоровна не забудет этот эпизод и о нем станет известно начальству.

– Да, – подхватила Марьяша. В отсутствие Толстой Натахи она уже не столь симпатизировала ей. – Я на той неделе отлучилась на пару часиков с работы, ортопеду ребенка показать, так она сразу шефу настучала. Он мне потом втык сделал.

– Знаете, девочки, будьте осторожнее при Наталье Егоровне, – полушепотом произнесла Ванда Казимировна. – Как-никак она прежде паспортисткой работала.

– И что? – хором спросили девушки.

– Это нижний этаж КГБ.

Девушки притихли, однако подвижная Марьяша минуту спустя воскликнула:

– Да не пугайте вы нас, Ванда Казимировна. Толстая Натаха старается вовсе не по долгу, а по зову сердца. Все знают, что Валечка у нее на пути встала. Народ видел, как Костик босиком шлепал с ней через всю Гатчину. Да и здесь, когда он ремонтировать что-нибудь приходит, всегда около Вальки вертится!

Добродушная Марьяша – короткие прямые волосы, шапочкой облепляющие голову, нос-кнопка, слегка вывернутые полные губы, личико, излучающее веселость и непосредственность, – не злословила, а бездумно сплетничала о чем придется.

Неужели здесь все так на виду, запоздало расстроилась про себя Валерия. Конечно, городок маленький. Но почему такое внимание к босоногому парню? Если бы без штанов шел, другое дело...

– Припоминаю, – улыбнулась Ванда Казимировна. – Моя знакомая, по случаю, рядом в парке с вами оказалась. Доложила, какой казус с ботинками Костика приключился. Будто кошечка Натальи Егоровны их отметила. Кстати, примета есть на этот счет – пострадала обувь, жди и в жизни осложнения. Наталья Егоровна не так проста. Она как собака на сене – и отца и сына захомутала. Сочувствую я Костику!

– Осложнения у него уже есть, – обрадовалась совпадению Марьяша. – Костик слег на днях. Говорят, пневмония.

– Пневмония? – удивилась Валерия. Она была не в курсе болезни Кости. – Пневмония в июле? Откуда?

– Может, перекупался или на сквозняке продуло, – рассудительно заметила Ванда Казимировна. – Август на носу. А по народному поверью, после Ильи-пророка и вообще купаться не следует. Да и сейчас вода уже остывает.

Валерия вспомнила, как долго Костя плавал, то ли в свое удовольствие, то ли скрываясь от Толстой Натахи. Неужели он действительно избегает общества будущей мачехи, а та ревнует его к ней, к Валерии?

– Он в больнице или дома? – Валерия уже приняла решение навестить больного.

– Дома. Старик за ним ухаживает, как может. Соседки забегают помочь. Да и Натаха навещается, – выложила информацию Марьяша.

– А ты и адрес его знаешь? – преодолевая неловкость, спросила Валерия.

– Да я по соседству с ним живу! – воскликнула Марьяша. – Слушай, добаться проще простого.

Константин поначалу обиделся на Валю-Леру, небрежно назвавшую его своим родственником. Да и парень лохматый в шортах ему не понравился. Сразу видно – тот еще гусь. Костя собирался в понедельник на работе поговорить с Валерией на эту тему, узнать все подробнее, но случилось для него невероятное – он заболел. То ли перекупался, то ли на солнце перегрелся, но в ночь на понедельник его начал бить сильный озноб, поднялась температура, и пришлось остаться дома. Вначале думал, пара дней – и все пройдет, даже врача не вызывал. Пил малиновый чай, ставил горчичники. Но дышать становилось все трудней, температура держалась. Вызванный на третий день врач заподозрил пневмонию, скоро диагноз подтвердился на рентгене.

Ухаживали за Костей отец да Толстая Натаха, ежедневно приходящая в дом на окраине. Но каждый вечер она возвращалась к себе домой – там ее ожидала кошка.

Константин был слишком слаб, чтобы отказываться от ее помощи, зато старик излучал удовольствие. Невеста в поле зрения постоянно, и перед соседями не стыдно за то, что так быстро после смерти жены в доме появилась молодка – нужда заставила.

Толстая Натаха пребывала в самом соку женской зрелости, но выглядела старше из-за небрежности в гардеробе, да и фигура не позволяла модничать. На ней всегда была просторная юбка, собранная на резинку в районе живота, а сверху необъятных размеров кофта или блузка на пуговицах. Да и в быту Натаха не отличалась аккуратностью: свою комнату убирала кое-как. Туся вносила весомую лепту в общий беспорядок, выбирая для туалетных дел совсем не подходящие для того места. Толстая Натаха трепала любимицу за ухо, кричала на нее, но заставить соблюдать приличия не могла. Однако, несмотря на леность, в доме Селезневых, старика и сына, Натаха выкладывалась как могла. Костик получал все, что требуется больному, –

бульоны, компоты, кисели. Ягоды исправно собирал в саду дед, он же резал собственных курочек, а Натаха варила обед, мыла посуду, стирала белье больного.

И очередной досрочный уход с работы Толстой Натахи был связан с хлопотами в доме Селезневых.

6

Валерия долго шла по центральной улице, между высокими домами. Затем свернула в боковой проезд. Дома становились ниже, неказистее. Кирпичные строения начали чередоваться с деревянными бараками, их сменили приземистые избы с обветшавшими заборчиками палисадников. Среди них выделялся внушительными размерами дом Селезневых, однако и он поблек: краска на рассохшейся вагонке облупилась, а оставшиеся скорлупки вымокли в дождях, выцвели на солнце и стали неприметно серыми. Было очевидно, что дом знавал лучшие времена, но и сейчас еще был хоть куда. Едва Валерия коснулась узорной железной калитки, как из будки выскочила собачонка и отчаянно залаяла на нежданную гостью. Валерия, опасливо косясь на собаку, остановилась на дорожке, ведущей к крыльцу. Там уже появилась внушительная Толстая Натаха. Уставив руки в бока, она с удивлением воскликнула:

– Вот так так! Сама Гостева пожаловала к нам в гости! Что ж, проходи, коли пришла.

Валерия смущенно потупилась. Хотя она и была в курсе отношений этой семьи, но почему-то не ожидала столкнуться здесь с Натахой. Валерия так много думала о Косте, пока шла сюда, что как-то забыла об этой помехе. Но в следующее мгновение дух авантюры придал силы Валерии. Раз решила на такой шаг, отступить нельзя!

– Здравствуйте, – произнесла Валерия, входя в комнату. На диване лежал старик и пялился в телевизор. – Я с работы. Пришла проведать больного.

Старик оживился, привстал с дивана:

– Привет, привет! Будем знакомы – Василий Константинович, отец Кости.

– А меня зовут Валя.

– Значит, пришла к Котье? Замечательно! Давно к нашему парню девахи не навевывались. Давай-ка, Натаха, сооруди что-нибудь к столу. Сейчас и Котью из постели выдернем, на хрен ему валяться, симулянту.

Валерия, ободренная приемом, незаметно огляделась – где же больной? В середине жилого пространства возвышалась деревенская, беленная мелом печь, ее обступала лакированная мебель из ДСП, модная лет тридцать назад. Валерия сделала пару шагов, заглянула за печь и увидела на самодельной лежанке спящего Костю.

– Эй, Костяра, полно дрыхнуть! К тебе гостья пришла! – Старик обогнул Валю-Леру и дернул одеяло сына. Тот тревожно пошевелился.

– Он спит? – отступила Валерия. – Я хотела спросить, не надо ли чего? Может, в магазин сходить или прибраться.

– Вообще-то мы помощников не ждали, – вновь подала голос Толстая Натаха, и сразу стало ясно, кто здесь правит бал.

– Цыц, Наташка! Кто так гостей встречает? А ты, Валюня, коли желаешь, можешь за водой сходить. Ведро в чулане, колонка в конце улицы, на перекрестке.

Валерия обрадовалась, что ей нашлось дело. Позвякивая ведрами, она вышла из дома. Ее опередила Натаха – якобы спешила на огород за свежим лучком. Когда Валерия открыла калитку, Натаха, оглянувшись на крыльцо, нет ли поблизости старика, остановила ее:

– Слушай, Гостева! Я тебе не советую тут задерживаться. Костик слаб, ему вредны долгие разговоры. Отговорись каким-нибудь делом, да и сматывай удочки. Старик сам не ведает, что творит. Торжественный ужин, вишь, затеял!

В эту минуту на пороге избы появился Константин, в старых, мешковатых брюках и теплой фуфайке на голое тело.

– Валечка, здравствуй! Мне отец сказал, что какая-то девушка пришла с работы. Я сразу подумал про тебя.

– Как ты себя чувствуешь, Костя? Наталья Егоровна говорит...

– Я уже в п-порядке! А это ч-что за дело? Почему у т-тебя ведра в руках? Разве можно г-городским девушкам нап-прягаться! У вас жила тонка. А ну, п-поставь на землю.

Константин подошел и решительно отнял у гостыи ведра. В свою очередь, из рук большого ведра перехватила Натаха:

– Иди уж, ухажер. Самого качает от слабости, а туда же...

– Ну, ладно. Я т-того... Я сейчас.

Пока Натаха ходила за водой, Костя переоделся, причесал жидкие волосы, прикрыв ими часть залысин.

Вскоре все четверо уселись за стол в «зале», как называл большую комнату старик. Пропустили по стопочке. Картошка, лучок, свежепросоленные огурчики – все свое, все с огорода. За столом хозяйничала Натаха – раскладывала еду по тарелкам. Старик, чавкая, жевал зеленое перо задористого лука. Костя без аппетита ковырял вилкой картошку. Разговор поддерживал Василий Константинович:

– Значит, Валюня, тоже в собесе пашешь? Вместе с Наташей? На той же должности?

– Я – простой инспектор, а Наталья Егоровна ведущий, – уточнила Валерия.

Ей трудно было принять, что этот старик – отец, а не дед Константина. Да и остальные – Костя, Наталья Егоровна – принадлежали к другому, старшему поколению. Валерия показалась себе совсем девочкой, глупой самозванкой и как-то вдруг замолчала. Старик переменял тему и заговорил о ценах, продажных политиках и воровстве в стране. Его без пяти минут женушка поддакивала и даже высказала свои обиды на власть. Константин подмигнул Валерии и встал из-за стола:

– Вы тут, т-того, трапезничайте. А я п-покажу Вале своих деток. П-пошли, Валечка, в сад. Наталья Егоровна недовольно дернула головой:

– Смотри, Костя, оденься потеплее. Ты рановато из постели выскочил. Второй только день температура нормальная.

– Да ладно, Наташа. Сам знаю.

Дед спохватился, что не успел выпросить у гостыи о семье. На ближайших улицах, в соседских домах он не встречал ее. То, что сына пришла навестить девушка, радовало. Старику все время приходилось приглядывать за своей молодухой, чтобы к сынку не перекинулась. Он замечал, какими взглядами Натаха его Котьку оглаживает. А если у Котки появится своя девка, то и старику будет спокойнее на душе. Правда, сынок – тьюфак, думал старик. Удержит ли такую красотку? Впрочем, неизвестно, как оно обернется. Пусть ребятки прогуляются, а он с Натахой здесь покалякает.

Константин вывел гостыю в свой садик. Обилие и пестрота цветов поразили Валерию. Казалось, в эту часть двора небрежно брошен ковер с ярким, но непродуманным рисунком. Будто его ткали десяток независимых ткачей. Константин с жаром рассказывал Валерии о каждом сорте, о том, что когда и как цветет, совершенно не замечая дисгармонии своего детища.

– А это – титония круглолистная, в просторечии – мексиканский подсолнечник. Это летник, каждый год приходится высаживать, зато гляди, как красиво!

Валерия смотрела на зеленые заросли, едва ли не в метр высотой, с кое-где торчащими оранжевыми головками и не понимала, что Костя находит в этих ядовито-оранжевых, без всяких оттенков ромашках.

– Они такие привереды, – продолжал Костя, – любят тепло, сквозняков боятся. Я их обычно в закуток, между крыльцом и стенкой дома высаживаю. Видишь, они какие любопытные, прямо-таки в окошко норовят влезть.

Однако Валерия уже не слышала своего гида, все ее внимание было обращено на слова, доносящиеся из открытого окошка, из комнаты, где продолжали свой разговор отец Кости и Наталья.

– Знаешь, Васенька, – вкрадчиво звучал голос Натальи Егоровны, – эта девчонка – просто охотница за жилплощадью. У нее ни кола ни двора, приехала из рязанской деревни.

– А где же она живет, в общежитии? Там, где ты прежде жила?

– То ли у тетки, то ли у бабки комнату снимает, точно не знаю, – смутилась напоминанием о собственном прошлом Толстая Натаха.

– А чего нам беспокоиться? Места у нас на десятерых хватит, – хохотнул Василий Константинович. – Я в свое время пристроечку соорудил. Кстати, думаю, Наташка, тебе пора ко мне перебираться. Покойница нас простит, душа ее уже в раю, должно быть.

– Костик твердит, что год должен пройти.

– Слушай его больше! Или Котьку с Валюней вперед хочешь пропустить? – шутливо припугнул невесту старик.

Наталья с возмущением выкрикнула:

– Зря ты, Васенька, ее так привечаешь! Знаешь ли, сейчас среди девчонок, таких как эта Валька, СПИД да сифилис гуляют!

Валерия ужаснулась злым словам Толстой Натахи и потащила Константина в другую сторону:

– А это что за цветочки, львиный зев?

Ответ заглушили возгласы Натахи, внезапно возникшей перед гуляющими:

– Костенька, уже свежо на дворе. Пора в избу вернуться. Сырость тебе вредна сейчас.

– Наташа, ты не забыла про Т-тусю? Небось та без хозяйки от голода уже лапки п-протянула, – недружелюбно буркнул Константин.

Валерия, прерывая разгорающуюся ссору, посмотрела на часы:

– Мне пора домой.

– погоди, я нарву тебе букет, – вскинулся Костя.

Валерия направилась к калитке, Толстая Натаха нетерпеливо ожидала, пока непрошенная гостья уйдет. Костя догнал Валю-Леру и всучил ей огромный, беспорядочный, как его клумбы, букет.

– На, держи! Спасибо, что навестила. С отцом не попрощаешься?

– Ты сам за меня попрощайся. Неловко его лишний раз беспокоить.

Едва удерживая в обеих руках охапку цветов, Валерия вышла на улицу.

– Я провожу тебя до остановки, – ринулся следом Константин, но Наталья Егоровна удержала его за рукав:

– Возвращайся в избу.

Он послушно поплелся вслед за мачехой, как когда-то в детстве шел за мамой, уводящей его с луга, где мальчишки играли в футбол.

Константин не в состоянии противостоять властным людям – и отцу, и Натахе. Нет, не таким он представлял первый визит Вали в свой дом. Вот она действительно цветочек, нежный и ранимый, как он сам. Константин почувствовал как все больше влюбляется в девушку.

7

Осень подкралась незаметно. Еще ласково грело солнце в полдень, еще зеленели кусты еще цвели астры и пионы в палисадниках на окраине города, но день уже словно был обведен

траурной рамкой прощания с летом. Вставать и ложиться Валерии приходилось в темноте. И в эти ненастные дни в Гатчину приехала мама Валерии, Людмила Петровна. Приехала насовсем. Воинскую часть, где обитала вдова капитана, расформировали, и женщине предложили переехать в соседнюю часть, в общежитие для сверхсрочниц. Из отдельной-то квартиры! При таком раскладе жилье сестры, Нины Петровны, оставалось единственным выходом для нее – как-никак родная душа. И дочка снова рядом!

Однако жилище было тесноватым для троих. Валерину раскладушку выставили на кухню, где она раскладывалась лишь на три четверти. Даже вытянуть ноги на своем почти детском ложе девушка не могла. Так и спала, свернувшись калачиком. А утром, собираясь на работу, Валерия перемещалась на цыпочках, чтобы не разбудить маму и тетю. В итоге радость от встречи с мамой обернулась новыми сложностями. Сестры часто спорили друг с другом или вдруг объединялись в воспитательном порыве против Валерии.

Теперь Валерии возвращаться домой вечерами совсем не хотелось. Поневоле она становилась скитальцей. Но по улицам болтаться после работы мало удовольствия, а подругами она не обзавелась. Все чаще Валерия оказывалась в домике Константина. Тот уже выздоровел, но приглашал Валю-Леру по пустячным поводам – то помочь варить варенье, то занавески наладить. Валерия знала, что застанет там Толстую Натаху, настроенную к ней неприязненно, но это не останавливало девушку. Да и Наталья Егоровна смирилась с визитами Валерии, поняла, что девчонка не так забита и беспомощна, как показалось вначале. В доме Селезневых Валерия освоилась настолько, что смела теперь пререкаться с Толстой Натахой, тем более что чувствовала поддержку старика и сына. Костя выказывал расположение Валерии молча, а старик одергивал свою новую женушку, если замечал, что та грызет девчонку. И хотя обстановка в этом доме была не лучше, чем в квартире тети и мамы, здесь имелся для Валерии несомненный плюс – большое пространство. Помимо «залы» в доме было еще несколько комнат – внизу и под крышей. Да еще сад-огород!

Временами Валерия примеряла к себе роль хозяйки этого двора. Понятное дело, они с Костей могли рассчитывать только на половину строения, но, если прорубить второй вход, их часть становилась бы изолированной. Мечты о преобразованиях в доме смешивались с чувствами к Косте. И тогда сам молодой хозяин казался ей интереснее и возвышеннее, и она почти убеждала себя, что влюблена в него. Иногда разрешала ему даже некоторые вольности. Константин привязался к Валерии не на шутку, но из-за болезненной застенчивости не умел действовать решительно. Лишь однажды попытался, когда они остались с Валерией вдвоем на кухне, забраться рукой ей под блузку, но тут же нарисовалась вездесущая Натаха и ненароком разрушила едва наметившееся сближение. Костя виновато отступился от Валерии и начал зачем-то оправдываться перед Толстой Натахой. Сказал глупость, мол, помогал гостю пуговицу распутать. Тут бы Валерии и проявить принципиальность, поставить перед Костей вопрос ребром: мужик он или тряпка половая. Но она пожалела парня, не стала высмеивать. Однако быстро собралась и ушла домой, втайне надеясь, что Костя побежит за ней, объяснит свое поведение. Но он не побежал. Не набрался смелости под зорким оком Натальи Егоровны.

Вышло так, что в последнее время Валерия не встречалась с Тео. Хотя она оставила питерскому знакомому номер мобильного, звонков от него не было. Валерия выжидала и сама тоже не звонила. Да и визиты в дом Кости затянули. Она все реже вспоминала нелепый всплеск эмоций в квартире Тео и их случайное сближение. Но теперь, после обиды на Костю, желание увидеться с Тео возросло.

Валерия позвонила сама. Позвонила и раз, и другой, но никто не подходил к телефону. Валерия встревожилась. Может, с ним что случилось? Поехала в воскресенье в город. И причину придумала – хочет забрать свою шляпу. В квартире тоже никто не отозвался. Если Тео уехал отдыхать, тогда почему не сообщил? И тут же одернула себя. Не столь они близкие друзья, чтобы отчитываться друг перед другом.

В следующие выходные она осталась дома. И в Питер не поехала, и к Косте не пошла. Как всегда в минуты печали, ей захотелось написать Анжелике. Но в квартире не найти спокойного уголка, и Валерия, взяв тетрадку и конверт, отправилась в парк.

Отдыхающих здесь было меньше, чем летом. Купальный сезон давно закончился. В поредевших кустах просвечивал мусор – рваная бумага, обертки от мороженого, полиэтиленовые пакеты. Уборщики не успевали убирать. Валерия присела на скамью и принялась строчить послание:

«...Дорогая Анжелика, я хочу с тобой посоветоваться. Еще месяц назад у меня не было ни одного парня, но сейчас голова болит о двоих сразу. С каждым отношения складываются не совсем гладко. Но главное, я не могу понять, кто мне нужен больше. Костя, он добрый, обстоятельный и вообще взрослый, ему тридцать семь лет, однако он страшно не уверен в себе. Бойтся и отца, и его новую жену. Новоявленная мачеха имеет на него определенные виды. А другой парень – Тео, тоже интересный кадр, интеллектual из Питера, но сейчас куда-то исчез. Но я тебе не жалею, я хочу, чтобы ты посоветовала, кого выбрать. Ведь двоих любить нельзя, правда? А как ты поняла, что любишь своего дальнбойщика? Ты же его любила, когда выходила замуж? Он же не сразу такой дрянью сделался?»

Валерия задумалась, покусывая кончик ручки. Сейчас рядом с ней не было ни Кости, ни Тео. Она получила тайм-аут, чтобы разобраться в своих чувствах. И не разобралась.

Вдруг она заметила, что по аллее неспешно прогуливается Ванда Казимировна. Девушка устала в землю, как бы не замечая сослуживицу. Валерия, поглощенная раздумьями о своих чувствах, не хотела вести сейчас светских бесед. Зато Ванда Казимировна обрадовалась, увидев Валю-Леру на скамейке. Она явно жаждала общения, а потому под села к девушке.

– Валечка, здравствуй! Скучаешь?

– Здравствуйте, Ванда Казимировна.

– Зачем ты в этот уголок забила? Кругом мусор, ветрено... Ой, а что ты пишешь, не стихи, случаем?

– Письмо подруге.

– Замечательно. Нынче эпистолярный жанр совсем в загоне, а ты, я смотрю, следуешь традициям. Или твоя любовь к слову из будущей профессии вытекает? Скоро защита диплома?

Слово за слово, Ванда Казимировна втянула девушку в беседу. Потом они покинули холодную скамейку и неспешно двинулись по спирально закрученным аллеям. Валерия вдруг почувствовала, как ей легко и непринужденно в обществе этой пожилой женщины. Тетя и бабушка не понимали ее, все время за что-то пилили, чему-то бесконечно учили. А Ванда Казимировна если и учила Валю-Леру, то только на работе, охотно сообщая новенькой нужную информацию. А сейчас разговор коснулся моды. Женщины, пожилая и молодая, охотно обсуждали одежду на проходящих мимо девушках. Валерия призналась, что немного шьет. Ванда Казимировна – что занималась этим раньше, когда в магазинах не было выбора.

– Выбор-то сейчас есть, для тех, у кого денег много, – возразила Валерия. – А мне просто приходится этим заниматься. Хотя я шью с удовольствием.

– А зайдем ко мне, Валечка. У меня куча модных журналов и выкроек есть.

Валерия охотно согласилась. По пути Валерия незаметно для себя разоткровенничалась. Рассказала о сближении с Костей, тем более что мастера по ремонту аппаратуры Ванда Казимировна знала тоже. И вдруг, чуть замаявшись, спросила:

– Ванда Казимировна, на ваш взгляд, Костя достойный человек?

– Селезнев, несомненно, человек порядочный, Валечка. Но главный вопрос для каждого, кто собирается соединить свою жизнь с другим человеком: подходит ли он тебе. Подходите ли вы друг другу?

– А как узнать, подходим ли?

– У вас должны иметься общие недостатки и уникальные достоинства.

– Как это?

– Возьмем, для примера, такое чувство, как ревность. Ты ревнива?

– Не знаю.

– Ладно. Допустим, один из пары ревнив, но только один. Тогда что остается другому?

Правильно – страдать от незаслуженных подозрений и оскорблений.

– А если оба ревнивы?

– Тогда постепенно наступит равновесие в отношениях. Представь: один обвиняет, а другой не оправдывается, а тоже выступает прокурором. В итоге каждому станет скучно ревновать.

– А я слышала, ревнует, значит, любит.

– Поживешь с мое, Валечка, возможно, изменишь мнение. В искренней взаимной любви никогда нет места ревности. Ревность – это невроз.

– Но бывают и реальные поводы для ревности, разве не так?

– Я говорю о бессмысленной ревности.

Беседа укоротила путь к дому Ванды Казимировны, и скоро Валерия оказалась в ее квартире. Хозяйка сразу взялась готовить ужин, предоставив гостью самой себе. Валерия с любопытством осматривалась. Прихожая, кухня, три комнаты. В комнате за закрытой дверью вместе с женой жил сын Ванды Казимировны, Станислав. Тот самый, что работал главным редактором и предложил через мать корректорскую халтурку для Валерии. Но сейчас ни его, ни супруги дома не было. Две другие, сугубо смежные комнаты были открыты взору Валерии. В маленькой стояла кровать, очевидно, комнатка служила спальней хозяйке. Другая, большая комната, где сидела сейчас девушка, больше походила на библиотеку – все стены закрыты стеллажами с книгами. В углу, на письменном столе, громоздился компьютер. От созерцания Валю-Леру отвлек голос хозяйки:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.